

**ОБЩЕСТВЕННО-СОЦИАЛЬНЫЕ И
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(SOCIAL-PUBLIC & POLITICAL RESEARCH)**

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-9-8
УДК 172.4

ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ НА ЮГЕ РОССИИ

Мальцева В.В.

Статья посвящена изучению ценностно-мировоззренческих конфликтов и их оснований, характерных для Юга России. Ценностно-мировоззренческие конфликты на Юге России зачастую обладают сепаратистским потенциалом, несут угрозу последствий в виде экстремизма и терроризма. В статье также рассматривается роль социокультурной интеграции как инструмента разрешения ценностно-мировоззренческих конфликтов и противодействия экстремизму.

Ключевые слова: *социокультурная интеграция; ценностно-мировоззренческий конфликт; экстремизм; терроризм; конфликты Юга России.*

IDEOLOGICAL AND VALUES CONFLICT IN THE SOUTH OF RUSSIA

Maltseva V.V.

The article is devoted to the study of ideological and values' conflicts and their bases, peculiar to the south of Russia. Ideological and values' conflicts are usually possess separatist potential, threaten with aftermath in the form of extremism and terrorism. The article also considers the role of socio-cultural integration as a tool of resolution of values-ideological conflicts and extremism countering.

Keywords: *sociocultural integration; values-ideological conflict; extremism; terrorism; conflicts in the south of Russia.*

Проблема ценностно-мировоззренческих конфликтов особенно остро стоит на Юге России. Геополитическое положение и социокультурные особенности Юга России детерминируют особенности социально-экономического положения, политических взглядов и ценностных установок людей, живущих в мультикультурном обществе. Состояние множественности смыслов и ценностей, принадлежащих представителям разных этносов, разных культур предполагает возможность столкновения конфликтующих интересов в полиэтничном обществе Юга России, что создает дополнительные риски

Важно выяснить, какие именно ценностно-мировоззренческие конфликты, являющиеся почвой для развития экстремизма, характерны для Юга России.

В исследованиях В.А. Авксентьева, Б.В. Аксюмова, Е.С. Назаровой показана конкурентная сущность этноконфессиональной и гражданской идентичностей молодежи Юга России, а также противоречие между модернистскими и традиционалистскими ценностями в современном российском обществе, что создает дополнительные предметы конфликтов, которые могут быть использованы экстремистскими группировками в своих целях [1].

Сложившихся конфликтных ситуаций на Юге России множество. Существуют затяжные этнические и религиозные конфликты, которые могут находиться в латентном состоянии, периодически разгораться и затухать. Так С.Ю. Дейко рассматривает ряд конфликтов, среди которых «крымско-татарский вопрос», «месхетинский вопрос», чеченская проблема, «ауховский вопрос» [5], так или иначе связанных с депортацией народов в разное время. Конфликт в подавляющем большинстве случаев связан с возвращением реабилитированного населения на места исторического проживания, занятые переселенцами-представителями других этносов. Так, например, лакско- и аварско-чеченский конфликт возник на территории исторического проживания чеченцев-аккинцев в Новолакском и прилегающей части Казбековского района Дагестана. В 1944 г. Они были депортированы в Среднюю Азию, а территории их проживания заняли лакцы и частично аварцы [11].

Другую группу конфликтов объединяют этнотерриториальные проблемы: чечено-ингушский конфликт, осетино-ингушский конфликт, чечено-ногайский конфликт, конфликт в Карачаево-Черкесии. Так, например, А.В. Бязров, рассматривая осетино-ингушский конфликт, указывает на связь экстремизма и этнотерриториальных конфликтов на Северном Кавказе, подчеркивая, что последние являются благодатной почвой для экстремизма и терроризма [3].

Конфликты, связанные с национально-государственным определением и автономизацией: конфликт в Кабардино-Балкарии, «кумыкский вопрос», «шапсугский вопрос», «лезгинский вопрос» [5]. Эти конфликты зачастую невозможно разрешить, так как они представляют собой

конфликты «с нулевой суммой», одна из сторон (обычно малочисленная) требует выделения самостоятельного национально-территориального образования на исторически «родной» территории, на которой к данному моменту проживает большой процент представителей других этносов, что вызывает их ответный протест.

Калмыкско-чеченский конфликт можно определить как этнонациональный [5]. Такие конфликты особенно часто возникают на местах большого притока мигрантов между местным и пришлым населением. Для местного населения приток мигрантов угрожает разрушением маркеров идентичности, ростом преступности и безработицы. Этим обусловлен рост социальной напряженности, которая провоцирует ксенофобию и конфликты.

Все вышеназванные конфликты не лишены угрозы последствий в виде экстремизма и терроризма. Часть вышеназванных конфликтов не лишена очевидных или скрытых сепаратистских тенденций. По мнению Б.В. Аксюмова, сепаратистские настроения вкупе с этнорелигиозным возрождением напрямую связаны с появлением исламского террористического подполья на Северном Кавказе [2]. При этом современное состояние этого вопроса таково, что исламский экстремизм и терроризм выходят на мировой уровень, локальные конфликты перерастают в глобальное противостояние цивилизаций.

С.Н. Фридинский считает современный исламский экстремизм религиозно-политически ориентированным экстремизмом, вырастающим в рамках исламизма. Исламизм («фундаментализм», «возрожденчество» и др.) С.Н. Фридинский понимает как одно из основных идейных течений в современном исламе. Исламизм выступает идеологией исламского движения – массового политического движения, которое стремится видоизменить общество в соответствии с нормами и догмами первоначального ислама (как его понимают исламисты) [10].

Н.М. Ракитянский, М.С. Зинченко называют религиозное возрождение на Юге России качественно новым «вторым рождением» исламской религиозной традиции. Хлынувшие на Северный Кавказ из-за рубежа исламские миссионеры стали активно проповедовать ваххабитскую идеологию «чистого ислама». Ослабленный реисламизацией традиционный российский ислам Северного Кавказа оказался не готов сопротивляться зарубежному влиянию. В результате борьбы с ваххабитами властям удалось не только загнать их в глубокое подполье, но и изменить их образ на негативный. Термин «ваххабизм» стал устойчиво ассоциироваться с терроризмом и религиозным фанатизмом. По мнению авторов, совпадающие интересы исламистов и запада преследуют цель ослабления федеральной власти на Северном Кавказе и постепенное выведение региона из-под контроля России [9].

Е.А. Китайгородский указывает, что в последние годы ячейки таких международных экстремистских исламистских организаций в России получили широкое распространение. В ряде субъектов Российской Федерации они разворачивают энергичную деятельность. Речь идет о таких организациях как «Общество социальных реформ», «Хизбут-Тахрир», «Таблиг», а также религиозные группы ваххабитского толка [7].

В ряду подобных организаций стоит самопровозглашенное исламское сепаратистское государственно-территориальное образование на Северном Кавказе «Исламское государство Имарат Кавказ». Имарат Кавказ был создан 7 октября 2007 года, объявил об этом президент непризнанной Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ) Доку Умаров. По данным Кавказского узла, в своем обращении Умаров сложил полномочия президента ЧРИ и провозгласил себя «амиром моджахедов Кавказа», «предводителем джихада», а также «единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды». В 2010 году организация была признана террористической. На счету организации ряд террористических актов. Организация соперничает с другой известной во всем мире террористической организацией Исламское государство (ИГ), в которую, по данным Кавказского узла, идет значительный приток из членов Имарата Кавказ, поэтому их сторонникам запрещено сотрудничать и оказывать помощь с принесшими присягу ИГ боевикам [6]. Цель-максимум ИГ – ликвидация границ во всем исламском мире, в том числе и на Северном Кавказе. Таким образом, изначальные сепаратистские тенденции, проявившиеся на Северном Кавказе в 80-90е годы уступили место «священной войне» за создание исламского халифата на Юге России.

Имарат Кавказ значительно ослабел после смерти Умарова в 2013 году, а затем и его преемника Алиасхаба Кебекова. Организация также испытывает значительное влияние ИГ, вследствие чего среди членов Имарата Кавказ происходит раскол из-за присяги ряда руководителей Исламскому государству [8].

А.А. Ярлыкапов в своем интервью Кавказскому узлу подчеркивает, что эти и подобные им организации наибольшую активность проявляют в интернете. Такая активность наблюдается по всему миру, это выступает общим трендом. «Исламское государство» ведет пропаганду в основном через «Твиттер», и сейчас у него появляются попытки завести свои соцсети. «Имарат Кавказ» давно и очень успешно использует интернет для вербовки сторонников и координации своей деятельности [12]. Конечно, в данных условиях в экстремистскую деятельность включается преимущественно молодежь, которая, как известно, является наиболее восприимчивой частью общества, социально подвижной и информационно продвинутой, а также обладает большим потенциалом как созидательным, так и разрушительным.

В последние годы все больше фактов указывает на то, что многолетние боевые действия в Чеченской Республике вызвали неизбежную цепную реакцию напряженности и в других регионах Северного Кавказа. Противостояние вооруженных групп непримиримой оппозиции и официальных властей все больше принимает вид активных партизанско-диверсионных действий с одной стороны и ответных контртеррористических операций с другой. Ситуация в Дагестане является ярким примером подобной вялотекущей гражданской войны в отдельно взятом регионе Кавказа. По числу вооруженных конфликтов и количеству жертв Дагестан – самый горячий регион Юга России. Однако из года в год число жертв снижается во всех регионах, кроме Чечни, где оно в 2014 году выросло по данным Кавказского узла [4].

Таким образом, в республиках Юга России присутствуют в большей или меньшей степени конфликтные столкновения, экстремистские настроения, а также имеют место террористические акты. Наиболее конфликтным регионом остается Дагестан, в котором, тем не менее, как и в других регионах, кроме Чечни, прослеживается тенденция снижения конфликтности. Это достигается почти исключительно благодаря действиям силовиков. В Дагестане на отдельных территориях режим КТО сохраняется месяцами, по полгода и вплоть до года. Поэтому проблемы конфликтов, экстремизма, терроризма на Юге России не разрешаются, а скорее подавляются.

Опасной для Юга России является также проблема организованного и неорганизованного националистического экстремизма. Наиболее известные организации с националистической идеологией в России это «Российский общенародный союз», «Национально-Демократическая Партия», «Этнополитического объединения Русские», «Великая Россия», «Собор русского народа» и др. Деятельность подобных организаций находит отклик в сердцах именно радикально настроенных людей. В сети часто можно встретить информацию о проводимых ими экстремистских кампаниях, акциях, в том числе и на Юге России, где можно услышать призывы вхождения Ставропольского края из состава СКФО, образования Казачьей республики, образования Русской республики и т.п.

Итак, ценностно-мировоззренческие конфликты широко распространились на Юге России, при этом важнейшими их основаниями являются следующие:

- конкуренция этноконфессиональной и гражданской идентичности;
- конфликт между тенденциями модернизации и традиционализации;
- этнические и религиозные столкновения, этнонациональные конфликты;
- проблема культурной и социальной обособленности мигрантов, этнических диаспор;

- исламские и сепаратистские тенденции;
- стремлением мировых держав обеспечить господство над территорией Северного Кавказа.

Таким образом, экстремистские течения, вырастающие на почве ценностно-мировоззренческих конфликтов имеют широкое распространение на Юге России. Юг России как регион повышенного риска требует особого внимания, как представителей власти, так и представителей науки. В ситуации подобных рисков и угроз наиболее приемлемый, адекватный и действенный способ обезопасить нашу страну – консолидация общества, сплочение на основе единого для всех ядра, а именно цивилизационной идентичности. Цивилизационная идентичность может сформироваться на основе стратегии социокультурной интеграции, обладающей мощным потенциалом для разных сфер общественной жизни и, в первую очередь, для снижения остроты ценностно-мировоззренческих конфликтов.

Статья подготовлена в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе», Грант Президента МД-7429.2015.6.

Список литературы

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Назарова Е.С. Цивилизационные ориентации молодежи Юга России: конфликтологический аспект // Конфликтология. 2009. № 4. С. 128-145.
2. Аксюмов Б.В. Террористическое подполье на Северном Кавказе: идеологическая сущность // Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, Г.Д. Гриценко [и др.]; под ред. акад. Г.Г. Матишова, Н.И. Голубевой, В.А. Авксентьева. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 328 с.
3. Бязров А.В. Взаимосвязь этнотерриториальных конфликтов на Северном Кавказе с религиозно-политическим экстремизмом // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 300-305.
4. Дагестан: хроника террора (1996-2015 гг.) // Кавказский узел [Электронный ресурс] // URL: <http://chechnya.kavkaz-uzel.ru/articles/262528/#comments> (дата обращения 28.04.2015) // Кавказский узел [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/256507/> (дата обращения 28.04.2015).

5. Дейко С.Ю. Исследование этнических конфликтов Юга России на рубеже XX-XXI вв. // Географические исследования Краснодарского края. Сборник научных трудов / Отв. ред. А.В. Погорелов. – Краснодар, 2010. С. 146-151.
6. Имарат Кавказ (Кавказский эмират) // Кавказский узел [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/158730/> (дата обращения 18.05.2015).
7. Китайгородский Е.А. Экстремистская преступность представителей этнических диаспор Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3. С. 79-86.
8. Краснов О.А. Убийство Кебекова усилит влияние ИГ на Северном Кавказе // Кавказский Узел [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/260939/> (дата обращения 28.05.2015).
9. Ракитянский Н.М., Зинченко М.С. Ментально-политическая экспансия исламизма на Северном Кавказе // Геополитический журнал. 2014. № 6. С. 66-80.
10. Фридинский С.Н. Религиозный экстремизм как идеология, используемая при совершении преступлений экстремистской направленности // Юристь – Правоведь. 2008. № 5. С. 58-60.
11. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004 гг.). – Москва: Изд-во «Европа», 2006. 128 с.
12. Ярлыкапов А.А. «Исламское государство» завоеует Северный Кавказ через интернет // Кавказский узел [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/260191/> (дата обращения 28.04.2015).

References

1. Avksent'ev V.A., Aksjumov B.V., Nazarova E.S. Civilizacionnye orientacii molodezhi Juga Rossii: konfliktologicheskij aspekt // Konfliktologija. 2009. № 4. Pp. 128-145.
2. Aksjumov B.V. Terroristicheskoe podpol'e na Severnom Kavkaze: ideologicheskaja sushhnost' // Jug Rossii v zerkale konfliktologicheskoi jekspertizy / V.A. Avksent'ev, B.V. Aksjumov, G.D. Gricenko [i dr.]; pod red. akad. G.G. Matishova, N.I. Golubevoj, V.A. Avksent'eva. – Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2011. 328 p.
3. Bjazrov A.V. Vzaimosvjaz' jetnoterritorial'nyh konfliktov na Severnom Kavkaze s religiozno-politicheskim jekstremizmom // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. № 111. Pp. 300-305.

4. Dagestan: hronika terrora (1996-2015 gg.) // Kavkazskij uzel [Jelektronnyj resurs] // URL: <http://chechnya.kavkaz-uzel.ru/articles/262528/#comments> (data obrashhenija 28.04.2015) // Kavkazskij uzel [Jelektronnyj resurs] // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/256507/> (data obrashhenija 28.04.2015).
5. Dejko S.Ju. Issledovanie jetnicheskikh konfliktov Juga Rossii na rubezhe HH-HHI vv. // Geograficheskie issledovanija Krasnodarskogo kraja. Sbornik nauchnyh tudov / Otv. red. A.V. Pogorelov. – Krasnodar, 2010. Pp. 146-151.
6. Imarat Kavkaz (Kavkazskij jemirat) // Kavkazskij uzel [Jelektronnyj resurs] // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/158730/> (data obrashhenija 18.05.2015).
7. Kitajgorodskij E.A. Jekstremistskaja prestupnost' predstavitelej jetnicheskikh diaspor Rossijskoj Federacii // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava. 2012. № 3. Pp. 79-86.
8. Krasnov O.A. Ubijstvo Kebekova usilit vlijanie IG na Severnom Kavkaze // Kavkazskij Uzel [Jelektronnyj resurs] // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/260939/> (data obrashhenija 28.05.2015).
9. Rakitjanskij N.M., Zinchenko M.S. Mental'no-politicheskaja jekspansija islamizma na Severnom Kavkaze // Geopoliticheskij zhurnal. 2014. № 6. Pp. 66-80.
10. Fridinskij S.N. Religioznyj jekstremizm kak ideologija, ispol'zuemaja pri sovershenii prestuplenij jekstremistskoj napravlenosti // Jurist# – Pravoved#. 2008. № 5. Pp. 58-60.
11. Cuciev A.A. Atlas jetnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774-2004 gg.). – Moskva: Izd-vo «Evropa», 2006. 128 p.
12. Jarlykapov A.A. «Islamskoe gosudarstvo» zavojuet Severnyj Kavkaz cherez internet // Kavkazskij uzel [Jelektronnyj resurs] // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/260191/> (data obrashhenija 28.04.2015).

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Мальцева Виктория Викторовна, соискатель кафедры социальной философии и этнологии

Северо-Кавказский федеральный университет

ул. Пушкина, 1а, г. Ставрополь, Ставропольский край, 355000, Россия

e-mail: vika.m2308@gmail.com

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 5305-5090

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maltseva Viktoriya Viktorovna, aspirant, Department of Social Philosophy and Ethnology
North-Caucasus Federal University
1a, Pushkina Str., Stavropol, Stavropol Region, 355000, Russia
e-mail: vika.m2308@gmail.com